

ВОПРОС О СТАТУСЕ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО, ЛИТВЫ И ЗАПАДНОГО КРАЯ И РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ 1860-Х ГГ¹

Гусман Леонид Юрьевич

*Д.и.н., профессор, Государственный университет
аэрокосмического приборостроения; приглашенный
исследователь, Санкт-Петербургский Государственный
Университет
blummer@mail.ru*

THE ISSUE OF THE STATUS OF THE KINGDOM OF POLAND, LITHUANIA AND THE WESTERN REGION AND RUSSIAN LIBERALISM OF THE 1860S²

L. Gusman

Summary. The article is devoted to the analysis of the ideological positions of Russian liberal constitutionalists on the Polish question in the 1860s. The author comes to the conclusion that the mutual misunderstanding between Russian and Polish publicists consisted in a different perception of the Polish problem. If the Polish side believed that it was necessary to restore "historical Poland" within the borders of the Commonwealth before its first partition in 1772, then Russian liberals and, in part, radicals were ready to consider only the possibility of autonomy or independence of "ethnographic Poland", allowing the possibility of a nationwide referendum on the nationality of disputed territories. Depending on the events in Russia and Poland, the views on acute problems of Russian-Polish coexistence also changed. By the end of the 1860s. it became clear that, despite all the differences between the "whites" and "reds" in the Polish national movement, there is a question on which among the politically active Poles there was an undeniable unanimity: "The Commonwealth from sea to sea". But this position was absolutely unacceptable for Russian liberals and even revolutionaries, not to mention conservatives. Such maximalism delayed Poland's return to the political maps of Europe for a long time, not only as an independent state, but also as political autonomy, following the model of Finland in the 19th century.

Keywords: Russia, Poland, liberalism, maximalism, independence.

Аннотация. Статья посвящена анализу идейных позиций русских либералов-конституционалистов по польскому вопросу в 1860-е гг. Автор приходит к выводу о том, что взаимное непонимание между российскими и польскими публицистами заключалось в различном восприятии польской проблемы. Если польская сторона полагала, что необходимо восстановление «исторической Польши» в границах Речи Посполитой до первого ее раздела в 1772 г., то российские либералы и, частично, радикалы были готовы рассмотреть только возможность автономии или независимости «этнографической Польши», допуская возможность общенародного референдума о государственной принадлежности спорных территорий. В зависимости от событий в России и Польше менялись и взгляды на острые проблемы русско-польского сосуществования. К концу 1860-х гг. стало понятно, что, при всех разногласиях между «белыми» и «красными» в польском национальном движении, существует вопрос, по которому среди политически активных поляков существовало неоспоримое единомыслие: «Речь Посполитая от моря и до моря». Но эта позиция была абсолютно неприемлема для русских либералов и даже революционеров, не говоря уже о консерваторах. Такой максимализм надолго отсрочил возвращение Польши на политические карты Европы, не только как независимого государства, но и как политической автономии, по образцу Финляндии XIX столетия.

Ключевые слова: Россия, Польша, либерализм, максимализм, независимость.

Вопрос о решении польского вопроса был болезненной проблемой для русской общественной мысли XIX в. На разных этапах своего существования, проблема пребывания Польши в составе России приобретала различные очертания. Если разделы конца XVIII в. практически не включили в Российскую импе-

рию территорию этнографической Польши, то в 1815 г., по выражению К.Ф. Головина, «Россия имела несчастье или неосторожность, присоединить к себе не только одни окраинные провинции бывшей Польши, но и самую ее сердцевину» [3, с. 100] — Царство Польское, которое, после подавления восстания 1830–1831 гг. и от-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 19–18–00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

² This research was supported by the grant No 19–18–00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

мены конституции 1815 г. стало постоянным источником напряженности для России.

Начало 1860-х гг. — «Великие реформы», сопровождающиеся кризисом «верхов» и ростом политической напряженности; подъем конституционалистского движения в Империи и установление представительного правления во всей Западной и Центральной Европы; победа итальянского национального движения, воспринимаемая другими народами, лишенными независимости, как образец для подражания — вновь поставили на повестку дня польский вопрос. Главная проблема заключалась в том, что если большинство русского общества было готово рассмотреть вопрос об отделении «этнографической» Польши в границах 1815 г., то все без исключения многочисленные группировки польской эмиграции соглашались только на независимость «исторической» Польши в границах 1772 г. Таким образом, на первый план выходила проблема статуса Западного края и Литвы. Характерным примером безуспешных попыток найти компромиссный вариант разрешения польского вопроса, взаимоприемлемый для всех сторон конфликта, является позиция авторов самой умеренной из оппозиционных прокламаций начала 1860-х гг. «Великоруса» (1861 г.) и взгляды самого радикального из российских либералов — эмигранта П. В. Долгорукова. Составители «Великорусса» считали необходимым немедленное предоставление независимости Польше и вывод оттуда русских войск. Авторы прокламации признавали либеральные перемены в России и оккупацию Польши несовместимыми [1, с. 307–308].

Сопоставление взглядов П. В. Долгорукова и «Великорусса» на дальнейшую судьбу Польши и Западного Края позволяет прийти к выводу об их близости. Для «Великорусса» немедленное предоставление независимости Царству Польскому являлось делом принципа. Следует отметить, что Долгоруков, точно так же, как и авторы прокламации, признавал неразрывную связь между польским и конституционным вопросами и необходимость предоставления Польше, как минимум, автономии. Уже в первом номере «Будущности» ее редактор заявил: «Отмена польской конституции есть величайшая несправедливость. С самодержавием в Царстве Польском нет возможности никакой отменить самодержавие в России. С другой стороны, в настоящее время, при нынешнем развитии просвещения и направления умов в России, при нынешнем положении дел в Европе и ввиду разных событий, при конституции в Варшаве самодержавию не устоять в Петербурге. Вот почему мы искренно и душевно желаем скорейшего восстановления конституции в Царстве Польском. Все благоразумные русские понимают, что поляки нам не только не враги, но что они наши братья; что у поляков и у нас один общий враг, против коего следует вести войну неутомимую. Этот враг

есть образ правления, основанный на произволе, самовласти, притеснении и грабеже. Имя ему — самодержавие» [9, с. 5]. Необходимо отметить, что для Долгорукова основным критерием для отношения к значимым вопросам, в том числе и польскому, являлся принцип: способствует ли то или иное событие или способ решения той или иной проблемы устранению абсолютизма или нет. Князь рассматривал все вопросы как второстепенные по сравнению с введением конституции. Таково же было и мнение «Великорусса», который считал «упрочение конституции у нас», т.е. в России, «главной целью» [1, с. 309]. Некоторые аргументы в пользу предоставления самостоятельности Польше практически одинаковы как у Долгорукова, так и в прокламации:

Долгоруков П. В.: «Конституция 1815 года дарована была Александром I вследствие торжественных обещаний, данных им, сперва полякам, а потом, на Венском конгрессе, и всей Европе. Он клялся в соблюдении ее, клялся за себя и за своих преемников. Николай Павлович клялся в том же на Евангелии. Поляки восстали на него за непрерывные нарушения им конституции. Он обвинял поляков в нарушении присяги. Каким же образом, карая их, и часто свирепо, он мог забыть до того, что сам нарушил свою собственную присягу? [9, с. 5] <...> Все русские разумные тем пламеннее желают восстановления в Царстве Польском конституции 1815 года, что в настоящее время, при конституции в Варшаве, самодержавию не устоять в Петербурге, а этого именно мы и хотим» [7, с. 76].

«Великорусс»: «Пока в одной части государства власть над цивилизованным народом держится системой военного деспотизма, правительство не может отказаться от этой системы и в остальных частях государства. <...> Интерес русской свободы требует освобождения Польши. <...> Наша власть над Польшей основана только на том, что нарушили все условия, под которыми Царство Польское было соединено с Россией на Венском конгрессе. Мы обязались тогда, что оно будет иметь конституцию, полную независимость внутреннего управления и свою отдельную, чисто национальную армию. Мы изменили этому своему слову. Мы остаемся в глазах всей Европы обманщиками» [1, с. 307].

Общими чертами приведенных высказываний являются, как ярко выраженный морализм доводов, связанных со ссылками на решения Венского конгресса, нарушенные, по мнению авторов, Россией, так и вера в невозможность сосуществования варшавской конституции с петербургским самодержавием и неминуемое падение русского абсолютизма в случае дарования Польше представительной формы правления. Князя сблизала с составителями «Великорусса» и убежденность в либеральном и нешляхетском характере польского

движения за независимость. Poleмизируя с автором одной из проправительственных брошюр, обвинявшим организаторов варшавских беспорядков 1861 г. в аристократизме, П. В. Долгоруков негодовал на сочинителя: «Неминуемые и благотворные последствия волнения в Польше непременно и вскоре окажутся: совершенным освобождением сельского сословия, дарованием гражданского полноправия евреям и общим равенством всех поляков перед законом, и это движение, к столь благородным целям направленное, автор называет реакцией!» [5, с. 117] Таким образом, согласие князя с тем, «что соединение Царства Польского с Россией не только не полезно, но еще положительно вредно», выглядело вполне закономерным и могло вполне удовлетворить приверженцев «Великорусса». Однако столь же неслучайным было и несогласие князя с заявлениями прокламации в поддержку самоопределения Западного Края.

П. В. Долгоруков не отрицал культурного своеобразия Малороссии, Белоруссии и Литвы, признавал необходимость введения «льгот в отношении к языку и народности» [8, с. 29] и широкой автономии этих территорий. Однако редактор «Будущности» неоднократно помещал в своем органе статьи и письма, не только осуждавшие польские притязания на Малороссию, но и подчеркивавшие второстепенность украинского языка и литературы в сравнении с русской культурой [15, с. 57; 16, с. 198–200]. Князь довольно резко отделял в начале 1860-х гг. польский вопрос от украинского, признавая, подобно «Великоруссу», право Польши на независимость, в то же время он не соглашался на какие-либо дальнейшие уступки: «Нам совершенно безразлично видеть отделение от России Царства Польского в границах 1815 года, но одна мысль отказаться с легким сердцем от трети нашей страны и отодвинуть границы до Пскова, Смоленска, Калуги и Курска обливает наше сердце кровью. Мы не настолько философы в деле патриотизма» [23, р. 64]. Таким образом, расхождения с «Великоруссом», защищавшим право Малороссии на самостоятельное решение своей судьбы, были существенны. Вместе с тем в прокламации подчеркивалась незначительная актуальность этой проблемы и приоритетность вопроса о самостоятельности Польши, по которому у «Великорусса» отсутствовали разногласия с Долгоруковым. И авторы «Великорусса» (кем бы персонально они ни были) могли рассчитывать на сочувственный отклик своего единомышленника в борьбе за бессловесную конституцию, «князя-республиканца» — П. В. Долгорукова.

Эти надежды не оказались обманутыми. Уже в 23-м номере «Будущности», датированном 4 декабря 1861 г., был полностью опубликован третий лист «Великорусса». Уже сам факт его напечатания свидетельствовал об одобрительном отношении к нему Долгорукова, поскольку князь не печатал материалы, с которыми не соглашался.

Эмигрант придавал прокламации столь большое значение, что сопроводил ее обширным предисловием, структурно подразделяющимся на три части: в первой давалась общая оценка политической программы, сохранившейся во втором, а отчасти и в третьем номерах «Великорусса» — характеристика, свидетельствующая, по крайней мере, внешне, о полном единомыслии П. В. Долгорукова с «Комитетом»: «Мы получили из Петербурга третий лист “Великорусса” с просьбой его напечатать в “Будущности” и исполняем это с величайшей охотой. Мы вполне согласны с “Великоруссом”:

- А) что самодержавие в России должно быть заменено правлением конституционным;
- Б) что образованные люди должны положить начало этому великому перевороту, должны взяться за дело дружно и употребить все свои силы для введения конституции;
- В) что успех мирный, если возможно, гораздо полезней пути насилия;
- Г) что крестьяне должны сохранить весь свой надел;
- Д) что вознаграждение помещикам должно быть уплачено государством и в количестве умеренном;
- Е) что соединение с Царством Польским не только не полезно России, но еще положительно вредно, потому что военное положение требует лишнего войска и принимаемыми в Царстве Польском мерами правительственными и военными, мерами дикими, пятнает Россию перед общественным мнением вселенной» [11, с. 180].

Итак, Долгоруков согласился с «Великоруссом» по трем основным, ставившимся в прокламации вопросам: крестьянскому, польскому и конституционному. Второй раздел статьи, однако, свидетельствовал о довольно серьезных расхождениях между князем и Комитетом по проблеме будущего статуса Малороссии. Ниже мы несколько подробнее остановимся на эволюции взглядов публициста по этому вопросу, здесь же отметим, что Долгоруков весьма подробно и, применяя разнообразные риторические приемы, отвергал в статье любые предложения об отделении Украины от России: «Мы не можем согласиться с изложенным во втором листе «Великорусса» предложением уступить полякам все то, чего они требуют в противность справедливости, истории и этнографии» [11, с. 181]. Отметим в то же время, что подобное расхождение не является принципиальным. Даже во втором листе «Великорусса» признавалась второстепенность украинского вопроса, по сравнению с другими важными проблемами, особенно с судьбой Польши. К тому же (и это обстоятельство ранее не отмечалось в историографии) в третьем листе «Великорусса», как и в приложенном к нему проекте адреса, уже отсутствовали упоминания о праве Малороссии на самоопределение. На наш взгляд, такое умолчание не являлось случайностью и объяснялось желанием авторов

прокламации избегать любого повода, способного нарушить предполагаемый союз «передовых прогрессистов» с «конституционалистами».

Долгоруков был не единственным современником, для которого проблема статуса Украины являлась единственным препятствием для безоговорочной поддержки «Великорусса». Видный либеральный публицист того времени, а в 1880-е гг. столь же видный консервативный чиновник Е. М. Феоктистов, выдвигая оппозиционную власти политическую программу, иронизировал над требованиями прокламации: «Отделения Малороссии не требовала, кажется, доселе и сама Малороссия» [22, с. 145]. По нашему мнению, до середины 1860-х гг. украинский вопрос отнюдь не воспринимался как приоритетный и принципиальный. Не случайно Долгоруков, завершив достаточно корректную полемику с идеями Комитета относительно судьбы Южной Руси, в заключительном разделе статьи восторженно охарактеризовал третий лист «Великорусса» и проект адреса императору, явно отделяя их от предыдущих номеров прокламации. При этом князь дал понять, что выступает не только от своего лица, но и от имени конституционной партии, поддержки которой и добивался «Великорусс»: «Что касается до третьего листа «Великорусса», то мы с любовью и гордостью перепечатаваем это произведение тайного печатания в России, печатания еще весьма юного, вчера только появившегося, но уже сильного мыслями, сильного логикой и вполне замечательно тем, что от него веет духом энергии сдержанной, той энергии, которая основана на убеждении в успехе, убеждении, всегда сильно приближающемся к самому успеху. Вера сильна, очень сильна, а в третьем листе «Великорусса» много веры и в свою мощь, и в будущий успех. Советуем всем нашим соотечественникам, каких бы политических мнений они ни придерживались, прочесть со вниманием, с величайшим вниманием и беспристрастным рассмотрением, и третий лист «Великорусса» и приложенный к нему адрес к государю. В особенности приглашаем на это чтение лиц партии монархической конституционной, которые желают, чтобы переворот в России совершился мирным образом, или, по крайней мере, с наименьшим буреломом. Убеждения и желания этой партии мы вполне разделяем, и потому обращаем ее особенное внимание на помещаемые здесь третий лист «Великорусса» и проект адреса к государю» [11, с. 181].

Отметим продуманность каждой фразы в данном отрывке. П. В. Долгоруков, как будто боясь, что читатель не обратит внимание на важность публикуемого документа и не примет его всерьез, несколько раз настоятельно предлагает внимательно прочесть горячо рекомендуемый им текст. Причем автор статьи обраща-

ется с таким призывом как ко всем русским, так и к более конкретному адресату — к своей «конституционной партии», чье существование в тот период представляется нам весьма вероятным. Однако обращает на себя внимание и обстоятельство, свидетельствующее о неполном единстве между князем и Комитетом «Великорусса». Долгоруков нигде в тексте статьи прямо не предлагал действовать в соответствии с предложениями «Великорусса» или подавать царю именно тот текст адреса, который рекомендовал Комитет. Князь намекал на желательность именно такого развития событий, но не более того. По-видимому, его несколько смущали не социально-политическая программа «Великорусса», с которой Долгоруков в целом соглашался, а высокомерное отношение авторов прокламации к «отставшим в своем политическом развитии конституционалистам» «Великорусс» не скрывал, что исходил из иного, чем «Будущность», политического лагеря, хотя и не противоречил ее программе [1, с. 311]. Тем не менее, П. В. Долгоруков активно пропагандировал прокламацию и перевел все три ее номера на французский язык, знакомя с содержанием «Великорусса» европейское общественное мнение [23, р. 286–310]. Перевод был адекватен подлиннику и свидетельствует о тщательной работе князя-эмигранта над французским, доступным европейской публике, вариантом прокламации. Этот перевод, несомненно, подтверждает доскональное знакомство Долгорукова со всеми тремя номерами «Великорусса» и его солидарность с их основными тезисами.

В то же время, полемика с «Великоруссом» не стала последним словом в развитии взглядов князя-эмигранта по вопросу о статусе Западного Края. Они эволюционировали, что уже рассматривалось в историографии [4, с. 9–13]. После прекращения в конце 1861 г. выхода «Будущности» П. В. Долгоруков постепенно начал склоняться к идеям, более приемлемым как для польских революционеров, так и для украинофилов. Причины перемены точки зрения, на наш взгляд, были многообразны. Основной из них было, по-видимому, влияние А. И. Герцена и молодого эмигранта-конституционалиста Л. П. Блюммера, уделявших заметное место в своей публицистике украинской теме, и общее обострение ситуации, приведшее к польскому восстанию 1863–1864 гг. и требовавшее максимальной определенности взглядов. К тому же в польском национальном движении к началу 1863 г. временно усилились позиции сторонников самоопределения Малороссии и Литвы и гибкого подхода к лозунгу восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. [14] Князь воспринимал такие тенденции как основу для компромисса между русскими и польскими противниками самодержавия и в 1863 г. стал отстаивать взгляды, весьма напоминавшие лозунги «Великорусса», с которыми князь незадолго до этого полемизировал.

При этом князь специально оговаривал законодательный статус и бессловесный состав грядущего земского собора. Тем самым он отмежевывался как от славянофильских идей о чисто совещательном характере собора, так и от предложений об особом месте дворянских представителей в будущем парламенте. П. В. Долгоруков поддерживал референдум, и высказывался за всеобщую подачу голосов. Это может показаться неожиданным, поскольку публицист являлся противником принципа всеобщего избирательного права. Но в данном случае его предложения, очевидно, объяснялись замаскированным желанием сохранить большую часть Западного Края за Россией, поскольку при цензовом голосовании избирательным правом, главным образом, воспользовались бы помещики, в основном католики или униаты, симпатизировавшие Польше, а не православные крестьяне, чья численность в большинстве указанных губерний была велика. Не случайно князь предвидел, что при предлагаемой им системе голосования в Западном Крае от России отделятся одна лишь Ковенская губерния и несколько уездов Гродненской и Виленской губерний [6, с. 315]. В целом же можно говорить о том, что в начале и середине 1863 г. Долгоруков, издатели «Колокола» и деятели «Земли и воли» придерживались общих взглядов по польскому вопросу.

Подавление восстания 1863–1864 гг., преобладание в польской эмиграции шляхетской партии «белых», не желавшей никакого компромисса даже с симпатизировавшими Польше русскими публицистами, и разочарование П. В. Долгорукова в плодотворности и возможности польско-русского союза вернули князя на позиции, которые он занимал в пору дискуссии с «Великоруссом». В своем предсмертном политическом сочинении 1867 г. публицист подвел итог многолетних размышлений по польскому вопросу: «Я отдаю должное необыкновенному патриотизму поляков <...>, их смелости, жертвенности во имя родной страны, я признаю их полное право на независимость в пределах Польши, но я отказываюсь признать за ними право на отделение от России русских губерний. Западные губернии Российской империи являлись русскими с девятого по четырнадцатый век <...>. Большинство дворянства там составляют поляки, но основная масса населения — русские» [10, с. 434–435]. Таким образом, взгляды Долгорукова на взаимоотношения России и Польши в конечном счете свелись к двум постулатам: независимость Польши в границах 1815 г. и сохранение Западного Края в составе конституционной и децентрализованной России — известная уже нам антитеза — «историческая Польша» противопоставленная «Польше этнографической». Несмотря на определенные расхождения с «Великоруссом», Долгоруков полностью соглашался с прокламацией по двум принципиальным пунктам

политической программы: необходимость самостоятельности Царства Польского и связь этой проблемы с устранением самодержавия. Надежды этих публицистов на скорое введение конституции в России и примирение с Польшей оказались умозрительными и очень далекими от действительности

Следует учесть, что для русских радикалов и, отчасти, либералов была характерна повышенная терпимость и снисходительность к польским требованиям. Этому можно найти несколько объяснений. Прежде всего, большое значение имел комплекс вины перед Польшей за участие в ее разделах и дальнейшие репрессии по отношению к защитникам Речи Посполитой. Польша рассматривалась как жертва. К тому же, рубеж 1850-х — начала 1860-х гг. — период подъема национальных движений. Российский либерал, сочувствующий итальянцам и венграм, боровшимся с австрийцами, не мог не симпатизировать полякам, которые в Галиции и Познани угнетались теми же австрийцами и пруссаками. Наконец, была распространена точка зрения, что у Польши и русского народа — один общий враг — петербургский абсолютизм немецкого происхождения. Отсюда и знаменитый лозунг «За нашу и вашу свободу».

Совсем иным было отношение польского общества к «роковому вопросу» отношений с Россией. Его лозунг был — «Все или ничего!» В то время как на Западе вновь возникавшие государства, такие как Бельгия и Греция, соглашались на самые болезненные территориальные уступки, лишь бы гарантировать себе суверенитет, польская элита, во всех других отношениях расколота, демонстрировала единодушный романтический максимализм. Перед лицом таких настроений и подавляющему большинству русской интеллигенции не оставалось ничего другого, кроме как сплотиться вокруг прежде ненавистной самодержавной власти, как единственной силы, способной обеспечить целостность России, включая в нее и «Малороссию». Либеральный публицист Н. Н. Воскобойников с горечью писал в 1863 г. в сочувствующим полякам журнале «Библиотека для чтения»: «Если поляки не могут отказаться даже от исконных русских земель, если они хотят отнять у нас даже Киев, чтобы потом распорядиться с ним по своему усмотрению, то они сами становятся относительно всех русских в то положение, за которое упрекают нас, сами посягают на нашу народность, на нашу независимость, на нашу свободу, и сами как бы вызывают нас поставить их в такие условия, при которых эти нападения не могли бы иметь успеха. Чем искреннее и полнее откажутся поляки от дерзких притязаний на русские земли, тем больше могут они надеяться получить льготы. Мечты о Польше 1772 г. представлялось русским людям до того невероятным, что в начале многие считали его за мгновенную, яростную вспышку; но увя!» [2, с. 7]

Польская эмиграция была безнадежно расколота, каждая, даже малочисленная, ее фракция имела собственный печатный орган, между ними шла полемика, вырождавшаяся в личные дразги, но был один пункт, не подлежащий оспариванию: независимая Польша в границах 1772 г. — «Польша историческая». В России же не было и не могло быть сколько-нибудь заметного литератора, пусть и радикального, готового согласиться с такой постановкой вопроса. Известный публицист и секретарь редакции ведущей либеральной газеты «Голос» В. Р. Зотов четко изложил суть «рокового вопроса»: «Даже если бы Польше была бы возвращена конституция 1815 года в пределах бывшего Варшавского герцогства — она не согласилась бы на это. Восстановить Польшу в границах до 1772 года — на это никогда не может согласиться Россия» [12]. Некоторые русские либералы признавали тяготы владения Царством Польским, но никогда бы не согласились на передачу во владение другому государству Западного края и Литвы. В самой распространенной русской газете «Сын отечества» писалось в 1863 г.: «Кто не знает, что Польша кроме забот и убытков не доставляет боле ничего. Но поляки революционеры не того хотят <...>. Им мало Польши, они заявляют претензии и на Западные губернии» [20]. Превращение Царства Польского во «второе Великое Княжество Финляндское», с собственным выборным сеймом и широкой автономией не состоялось, хотя, несомненно, в русской публицистике начала 1860-х гг. существовал широкий консенсус в пользу такого варианта. После же 1863 г. об этом не могло быть и речи, покушение же А. Березовского на Александра II в 1867 г. показало всю степень ожесточения части польской эмиграции. Призывы к милосердию по отношению к «заблудшим» полякам стали во второй половине 1860-х гг. уделом маргиналов русской легальной журналистики (а нелегальная переживала безнадежный кризис — после прекращения выхода «Колокола» и Полярной звезды» в 1867–1868 гг. несколько лет за границей не было ни одного влиятельного русского печатного органа). Защита прав польского меньшинства Западного края со стороны «олигархической» газеты «Весть» В. Д. Скарятина могла негласно поощряться частью правящей элиты Петербурга (П. А. Валуев, А. Л. Потапов) но никакого общественного сочувствия не вызывала — слишком уж одиозны были «польские защитники» в глазах русских прогрессистов. «Польское дело» отождествлялось с «аристократическим» и антиреформаторским».

И тем не менее, уже через год после покушения А. Березовского и связанного с ним очередного обострения русско-польских отношений, российская цензура смягчилась настолько, что призывы к отказу от Царства Польского стали появляться в легальной печати, не вызывая предостережений и репрессий. В конце 1868 г.

в газете «Неделя», ставшей литературным убежищем сотрудников закрытого «Современника», плодовитый и скандальный публицист А. П. Пятковский подробно обосновывал необходимость предоставить независимость Царству: «Положим, что в северо-западном крае есть надежда, при разумном ведении дела, действительно русифицировать (так!). <...> Хотя виленские деятели до сих пор, ничего не умели или не хотели сделать для его осуществления. <...> Но на каком базисе обопрется русское влияние в Царстве Польском, среди коренного польского и притом католического населения? Можно ли там рассчитывать на русификацию края, а если нельзя, то не лучше ли нам разойтись с поляками по добру по здорову, не накапливая вековых недоразумений и затаенной, безграничной злобы? Эти вопросы, с давнего времени, предоставлялись естественным образом на разрешение русским публицистам. Многие отвечали на них различно. Карамзин по поводу гласно заявленного желания Александра I отделить Царство Польское, возражал, что монарх не имеет права приносить в жертву своего великодушия часть территории, приобретенной его предшественниками ценою русской крови. Этот аргумент, очевидно, несостоятелен. А если монарх предвидел, что для сохранения этой территории понадобится русская кровь и русских денег еще больше, чем понадобилось их для ее приобретения? Если он нашел, что угнетение одного народа другим есть, во всяком случае, принцип вредный и заразительный, и захотел избавить свой народ от векового упрека, на нем лежащего, что тогда? Ведь, придерживаясь строго карамзинского правила, Англия не смела бы возвратить Греции Ионические острова; а между тем она распорядилась именно таким образом и нашла, что сделка эта выгодна для нее самой, потому что усиливает мирным путем ее торговое влияние на новых эллинов» [17].

Отметим, что эти недвусмысленные заявления не стали «гласом вопиющего в пустыне». Цитированная статья встретила восторженный отзыв журнала «Библиограф», который отнюдь не ограничивался сухой библиографией: «Особенного внимания заслуживает статья г. Пятковского “С чужой стороны” и принадлежит к лучшему, что им писано. В наше время нужно иметь некоторую смелость, чтобы высказать те честные и глубоко патриотические мысли, которые находим здесь высказанными не под маскою иносказаний, а совершенно прямо. Лже-патриотизм и животные побуждения корифеев нашей публицистики до того приучили читателя в последнее время к возгласам юридичных или к трусости евнухов-рабов, что простое патриотическое отношение к польскому вопросу, как мы его встречаем в этих статьях «Недели», кажется чуть ли не неслыханною смелостью» [13, с. 30]. Вскоре, выяснилось, что автор «Библиографа» преувеличил уникальность взглядов Пятковского на польский вопрос.

В начале 1869 г. популярнейший фельетонист либеральных «Санкт-Петербургских ведомостей» «Незнакомец» (А.С. Суворин) прямо заявил: «Предоставив Царство Польское собственной его судьбе, мы только бы выиграли, тем более, что свое историческое призвание там мы кончили, то есть освободили крестьян и наделили их землей». Правда, будущий редактор «Нового времени» в следующих же предложениях поспешил оговориться: «Я думаю, что Польша, во всяком случае, окончила свое существование, то есть свою историческую роль. Будущее цивилизации принадлежит новым народам, как мы, и народам старым, но обновленным, как итальянцы. С изгнанием турок из Европы — во что я верю, как в Бога — с развитием наших учреждений, нашего материального и нравственного прогресса, поляки сами собой и незаметно сольются с нами. Во всяком случае, народ этот достоин сожаления. Мечтая о своей независимости, он рассыпался по лицу земному, и ждет нового мессию, как евреи; но мессия не является» [19].

Слова о необходимости отказаться от Царства Польского были Сувориным напечатаны и не вызвали цензурного предостережения. И это позволило «Неделе» вернуться к обоснованию знакомой уже нам позиции Пятковского. Политический обозреватель еженедельника Ю.А. Россель, признавая тяготение Западного края к России, писал: «В настоящее время, для поддержания порядка в Царстве Польском, Россия содержит там 150–200 тысяч войск, что обходится нам ежегодно не дешевле 25 миллионов. Если б Царство отбросить в сторону, эти 25 миллионов могли бы покрыть наш 15-миллионный дефицит и рассеять по всей России до 20 тысяч народных школ, в которых мы очень нуждаемся». Итак, владение Царством воспринималось, как препятствие к просвещению империи. В итоге, Россель прямо заявлял: «Там, в Царстве, национальное чувство народной массы должно быть главным и, можно сказать, единственным рычагом действительно могучего национального возрождения. Для России, для всего русского народа, весьма важно, чтобы это чувство не подверглось оскорблению, чтобы этот обновляющийся польский народ не возымел вражды к нашему народу, а избежать этой вражды можно лишь путем признания самостоятельности польской нации, путем братского союза с нею» [18]. Но для «братского союза» требовалось согласие большинства польского общества, включая и эмиграцию, но этого согласия и не было. Лишь немногие публицисты «русского захвата» признавали, что именно в пределах Российской империи, потомки подданных Речи Посполитой максимально сохраняли свою национальную идентичность и развивали польскую культуру. Так, дайджест отечественной и западной периодики — газета «Улей» в 1881 г. с интересом цитировала мнение органа варшавских позитивистов — еженедельника «Prawda»: «Газета проводит параллель между тремя

частями бывшей Речи Посполитой (так!) — германской, русской и австрийской. Газета приходит к заключению, что Галиция, т.е. та часть Польши, которая находится под властью Австрии, несмотря на то, что она единственная из трех, которой оставлены и польский язык, и польские права, и все польские порядки, несмотря, что она пользуется полною свободой — Галиция стоит гораздо ниже двух остальных частей Польши. В Галиции много крикунов, аристократов, магнатов, карьеристов, но нет истинных, полезных для страны политических деятелей, нет людей, которые бы сумели вывести народ из «мутного круга», в котором он находится в настоящее время. Судьба польского народа, по мнению газеты, представляет что-то странное и противоречит будто бы законам истории. Не там, где полякам дана большая свобода, но там, где они были более стеснены — процветают польский дух, польская наука и литература. Газета сравнивает, поэтому, Польшу с теми газами, которые при давлении на них, приобретают больше силы и упругости» [21, с. 4]. Но большинство польских интеллектуалов с восторгом смотрело на Галицию, где действовал областной сейм с широкими полномочиями, и где поляки избирали многочисленных депутатов в венский рейхсрат.

На эту проблему можно посмотреть и шире, в общеевропейском контексте — Бельгия пожертвовала частью Лимбурга, Люксембурга и Маастрихтом; Греция — большинством своих легендарных островов и Фессалией — но эти страны не только обеспечили себе независимость, но и ввели в международное право XIX столетия принцип права наций на самоопределение. Отметим, что для Греции это оказалось не только дальновидной, но и эффективной политикой, поскольку, в итоге, она присоединила к себе те территории, от которых в свое время «отказалась». Вспомним, также, и позднейший опыт Ирландии, чьи лидеры начала 1920-х гг. отложили «на потом» проблему Ольстера, ради независимости католической части Эрина. Совсем иное случилось с присоединенной к России частью Польши — восстание 1863–1864 г., в конечном счете, лишь превратило Царство Польское в Привислинский край и крайне ослабило польский элемент в Западном и Северо-Западном краях. Конечно, политический романтизм может вызывать восхищение своим героизмом и жертвенностью, но, ставя перед собой заведомо неисполнимые цели, он может стать самоубийственным выбором. Несмотря на призывы части варшавских интеллектуалов 1870-х — 1880-х гг. к «органическому труду» и, невзирая на упорную пропаганду В.Д. Спасовичем и его единомышленников — «угодовцев», даже после катастрофы 1864 г. максимализм так и остался знаменем значительной части элиты бывшей Речи Посполитой. Рука, протянутая полякам, российскими либералами начала 1860-х гг. осталась повисшей в воздухе. Так, лозунг польской шляхты «Все или ничего!» стал роковым для национального возрождения

польского государства и надолго отсрочил возвращение Польши на политическую карту Европы.

Но и для российского конституционного движения польская непримиримость оказалась поистине роковой. Общественный климат Москвы и Петербурга фрондерский в начале 1863 г. и лояльный в конце 1864 г. — противоположны. Восстание в Царстве ввело в «анабиоз» либерально-дворянскую оппозицию, порой фрондерскую, но от этого не менее резкую. Бесспорно, в начале 1860-х гг. в России и эмиграции существовало значительное общественно-политическое течение, стремившееся оказать влияние на события в стране. Это направление может быть названо «либеральный конституционализм», или «радикальный либерализм». Общими чертами для сторонников упомянутого течения являлись требования немедленного введения конституции, уничтожения сословных привилегий, свобод печати и вероисповедания, децентрализации, обязательного выкупа государством крестьянских повинностей и установления независимости Польши (вопрос о статусе Западного Края не считался важным, поскольку недооценивалась степень польского радикализма по территориальной проблеме). В то же время либералы-конституционалисты оставались сторонниками неприкосновенности частной собственности и ограничения экономической активности государства.

С этим направлением стремились найти общий язык умеренные социалисты — авторы «Великорусса», не считавшие низвержение экономической системы вопросом сегодняшнего или завтрашнего дня и готовые к компромиссу во имя утверждения в России политической свободы, облегчения участи крестьянства и независимости Польши. П. В. Долгоруков и многие его единомышленники в России не без колебаний приняли этот союз и старались по возможности соблюдать его условия. Тот факт, что третий номер «Великорусса» был впервые (раньше чем в «Колоколе») опубликован именно в конституционалистском издании Долгорукова — «Будущности», и что по большинству проблем русской политической жизни между авторами «Великорусса» и Долгоруковым отсутствовали существенные разногласия — не являлся слу-

чайностью. Падение абсолютных монархий в Западной Европе (Тоскана, Парма, Модена, Королевство обеих Сицилий, введение конституции в Австрийской Империи) воспринималось как прелюдия крушения неограниченной монархии в России. Власти вынуждены были маневрировать и готовились к серьезным уступкам конституционалистам. В то же время, в русском общественном мнении начала 1860-х гг. господствовала стойкая убежденность в неизбежности перехода страны к представительной форме правления. Дискутировался лишь вопрос о темпах движения России к конституции.

В такой атмосфере, могло показаться, что объединения оппозиционных сил на приемлемой и для социалистов и для либералов политической платформе достаточно для того, чтобы император отказался от абсолютной власти. «Великорусс» и выдвинул подобную программу. Его авторы республиканцы, и, вероятно, социалисты признали возможным введение конституционной монархии, а П. В. Долгоруков от имени конституционалистов пошел на значительные уступки по крестьянскому и польскому вопросам. А. И. Герцен и Н. П. Огарев не без колебаний поддержали такой компромисс. Однако взгляды социалистов и либералов были различны, а их союз не отличался устойчивостью. К тому же среди конституционалистов на резкий разрыв с самодержавием решились лишь немногие — несколько эмигрантов, например, П. В. Долгоруков и часть тверского дворянства. Основная масса их единомышленников ограничивалась салонными беседами и полупамятками в подцензурной прессе на преимущества народного представительства над бюрократическим абсолютизмом. Таким образом, предпринятая в 1861–1862 гг. попытка создать антисамодержавный блок социалистов и левых либералов закончилась провалом. Жесткая позиция польских «красных» и особенно «белых» внесла немалую лепту в усиление ненавистного им неограниченного самодержавия и в ослабление той политической идеологии, которая была готова идти на широкие компромиссы с польской элитой. Как это часто случается в истории, максимализм оказался политически недальновидной тактикой и самоубийственной стратегией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великорусс // Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М.: Современник. 1983. 574 с.
2. Воскобойников Н. Н. Польское дело // Библиотека для чтения. 1863. Т. 177. С. 1–64.
3. Головин К. Ф. Мои воспоминания. Т. 1. СПб.: Парфенон, 1908. 396 с.
4. Гусман Л. Ю. Эволюция взглядов П. В. Долгорукова в эмиграции 1860–1867 гг. // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.: Европейский Дом. 1997. С. 6–20.
5. Долгоруков П. В. Дикая книжка о событиях в Варшаве // Будущность. 1861. 4 авг. № 15.
6. Долгоруков П. В. Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк // Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Кооперативное издательство Север, 1934. 473 с.
7. Долгоруков П. В. О нынешних событиях в Царстве Польском // Будущность. 1861. 12 апр. № 10–11.

8. Долгоруков П. В. О союзах России с Австрией // Будущность. 1860. 6 дек. № 3–4.
9. Долгоруков П. В. О Царстве Польском // Будущность. 1860. 15 сент. № 1.
10. Долгоруков П. В. Письмо президенту так называемого Конгресса Мира // Ермолаев И. Н. Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова: Пути русского либерализма. Псков: Отчина, 2001. 440 с.
11. Долгоруков П. В. Третий лист «Великорусса» // Будущность. 1861. 4 дек. № 23.
12. Зотов В. Р. Россия // Иллюстрированный листок. 1863. 28 июля. № 66.
13. Обзорение периодических изданий // Библиограф. 1869. № 1. С. 1–38.
14. От Центрального народного польского комитета в Варшаве гг. издателям «Колокола» // Колокол. 1862. 1 окт. Л. 146.
15. Письмо из Юго-Западной Руси // Будущность. 1861. 28 февр. № 8.
16. Польша и Украина // Будущность. 1861. 31 дек. № 25.
17. Пятковский А. П. В России и за границей (из путевых заметок) // Неделя. 1868. № 45.
18. Россель Ю. А. Политика // Неделя. 1869. 2 (14) февраля. № 7.
19. Незнакомец <Суворин А.С. > Недельные очерки и картинки // Санкт-Петербургские ведомости. 1869. 26 января. № 26.
20. Сын отечества. 1863. 21 марта. № 69.
21. Улей. 1881. 31 января. № 22.
22. Шилов А. А. Арест М. И. Михайлова и суд над ним. Из общественной психологии начала 60-х гг. 19 столетия // Русское прошлое. 1923. Вып. 2. С. 140–162.
23. Dolgoroukov P. Des réformes en Russie suivi d'un aperçu sur les États-généraux russes au XVI-e et XVII-e siècle. Bruxelles: chez tous les libraires, 1862. 332 p.

© Гусман Леонид Юрьевич (blummer@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Государственный Университет